

**СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ФОРМАЛЬНО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К
КОНТЕКСТАМ МЕТАФОР**

В статье освещаются семантический и формально-синтаксический подходы к контекстам метафор в работах ряда современных исследователей.

В связи с изучением поэтической метафоры в контекстологическом аспекте в работах ряда исследователей прежде всего был поставлен вопрос о минимальной языковой единице, способной выступать в качестве контекста метафоры.

Чтобы ответить на вопрос о минимальном контексте (микрконтексте) словесной метафоры, следует изначально определиться с пониманием языковой сущности данного вида тропа.

Если определять метафору как замену одного наименования другим по сходству (теория субституции), то придётся признать, что контекст тропа составят “метафоричные” (непрямо употреблённые) и “неметафоричные” слова (т.е., те, которые в бинарных метафорических словосочетаниях квалифицируются как обуславливающие метафоризацию первых). Такой подход ограничивает сущность метафоризации семасиологическими изменениями внутрисловного характера.

Рассмотрим примеры – минимальные метафоры *весёлый ветер, осень плачет, лунный лук*. Согласно субституциональной теории, эти бинармы можно трактовать соответственно как адъективную метафору (метафоризация прилагательного *весёлый*), глагольную (метафоризация глагола *плачет*) и субстантивную (метафоризация существительного *лук*). Обратим внимание на то, что в контекстах типа *весёлый ветер* прилагательное традиционно квалифицируется как эпитет (метафорический эпитет). Однако критерий выделения эпитета как особого вида тропа – чисто грамматический (эпитетом называется образное определение либо обстоятельство), что в большей степени соответствует субституциональному подходу к тропам. С точки зрения интеракционистской теории оснований для противопоставления подобного рода словосочетаний остальным типам метафорических бинарм не имеется, а потому они рассматриваются нами в кругу минимальных метафорических контекстов.

Нередко можно встретить определение таких метафор как однословных Ю.И.Левин, Е.Г.Петрова. Хотя ясно, что речь здесь идёт не о контексте тропа, равно одному слову, что в принципе невозможно [см. также:4, 20], а об одночленности в смысловом плане, когда не названо сравниваемое понятие. Однако правомерность применения данного термина наряду с понятием двучленных и многочленных метафор представляется спорной, так как в любом случае в метафоре мы будем иметь дело с одним из подвидов смысловых отношений между сравниваемым и сравнивающим элементами в бинарных (как минимум) метафорических образованиях. Таким образом, исходя из интеракционистской теории метафоры, мы будем настаивать на том, что любая метафора, будь она формально однословная, двусловная и т.д., – это феномен только б и н а р н ы й: взаимодействие двух смыслов (А) и (В) в виде $A = B$.

На грамматическую основу эту теорию положили В.И.Зимин и Э.А.Модебадзе: “В процессе метафоризации участвуют, прежде всего, имена существительные, обозначающие конкретные предметы. Эти существительные являются базой процесса метафоризации вообще и основными компонентами метафорических конструкций независимо от того, метафоризируется ли существительное, прилагательное, глагол или наречие” [1, 78]. В результате деривационный процесс можно представить следующим образом: *весёлый ветер* ← *весёлый* ← *ветер* = человек; *осень плачет* ← *плачет* ← *осень* = человек, *лунный лук* ← *луна* = лук.

Как видно, при таком подходе “неметафоричных” элементов в метафорическом контексте не остаётся: в первых двух примерах понятия *ветер* и *осень* – это объекты

имплицитного олицетворения; в третьем примере слово *лунный* также включается в метафору как её объект (*луна = лук*).

Таким образом, о минимальных метафорах можно говорить лишь в отношении двучленных (как минимум) конструкций – метафорических бинармах (Н.А.Басилая, Ю.Л.Лясота, Л.Е.Пустовит, Л.Н.Рыньков, С.А.Фридрих, Хоанг Лай).

Разработаны и различные классификации метафорических словосочетаний, в основу которых кладутся те или иные характеристики составляющих их компонентов и / или взаимоотношения между ними.

С грамматической точки зрения, т.е. относительно способов частеречного выражения метафоризируемого и метафоризирующего элементов, метафорические словосочетания изучались в работах Ю.Л.Лясоты, Л.Н.Рынькова, Е.Т.Черкасовой и др. Исследования метафорических бинарм в данном аспекте предпринимались и в рамках конкретных их классов: генитивных метафор (А.В.Бельский, Л.В.Кнорина, А.И.Лашкевич, М.Ю.Михеев, В.В.Образцова и др.), атрибутивных метафор (Ф.С.Шакирова), субстантивных метафор (Р.А.Орлова, Т.А.Фёдорова). Различные классы метафорических бинарм исследовались и со стороны семасиологических отношений между их компонентами (Н.А.Басилая).

Особый интерес представляют те классификации, в которых разные типы метафор выделяются с учётом их свойств именно как компаративных тропов, фиксирующих уподобление двух объектов друг другу.

Так, Ю.И.Левин [2, 293] выделяет три типа метафор в зависимости от способа реализации ими “принципа сравнения”, по которому строится любой компаративный троп:

1) метафоры-сравнения, в которых описываемый объект прямо сопоставляется с другим объектом (*колоннада роши*);

2) метафоры-загадки, в которых описываемый объект замещён другим объектом (*били копыта по клавишам мёрзлым, где мёрзлые клавиши =бульжник; ковёр зимы = снег*);

3) метафоры, приписывающие описываемому объекту свойства другого объекта (*ядовитый взгляд, жизнь сгорела*).

Метафоры (1) типа отличаются от метафор типа (2) и (3) тем, что в последних назван лишь какой-либо один из сопоставляемых объектов. Заметим, что типы (2) и (3) – это как раз те метафоры, которые при субституциональном подходе трактуются как одночленные, или однословные.

Сходная классификация, построенная на более широких критериях, – характере отношений между прямым и переносным значением и некоторых условиях контекстной реализации метафор – предложена Л.Ф.Тарасовым [3], который выделил четыре типа тропов:

1) собственно метафора (*В огне облака. В дали рассыпаны хаты*), соответствует типу (3) метафор по классификации Ю.И.Левина;

2) метафора-сравнение (*вечерней зари окровавленный нож*), соответствует типу (1) у Ю.И.Левина;

3) метафора-перифраз (*колокол синий = небо*), соответствует типу метафор (2) в классификации Ю.И.Левина;

4) метафора-символ (*Розу белую с чёрной жабою / Я хотел на земле повенчать*) (в классификации Ю.И.Левина отсутствует).

Как видно, обе классификации принципиально сходны. Вызывает только возражение причисление к метафорическим тропам последнего из выделяемых Л.Ф.Тарасовым типа метафор. На наш взгляд, здесь мы имеем дело с классическим символом (само собой разумеется, что общность у символа и метафоры присутствует). В дальнейшем такого рода примеры не будут рассматриваться среди минимальных метафор.

Таким образом, обобщение представленного в данных классификациях материала позволяет говорить о трёх типах метафорических конструкций:

1) конструкции, в которых объект уподобления (А) не назван, а замещён метафорическим словом или перифразой (В). Этим конструкциям соответствуют типы метафор (2) у Ю.И.Левина и (3) у Л.Ф.Тарасова;

2) метафоры, представляющие собой “конструкции идентификации” [3, 172], т.е. такие, в которых назван и объект (А), и субъект (В) уподобления, соответствующие формуле $A = B$. Им соответствуют типы (1) у Ю.И.Левина и (2) у Л.Ф.Тарасова;

3) конструкции, которые отражают предикацию свойств одного предмета (В) другому (А), соответствующие компонентному составу $A + \text{Vpr}$, где А – метафоризируемый элемент, Vpr – предикативный элемент, показатель метафорического осмысления А.

Последние два типа метафор выделяются в классификации Д.Бувро в качестве основных разновидностей метафорических словосочетаний.

В отличие от минимальных метафор, более объёмные метафорические контексты изучены явно недостаточно. Одно из убедительных свидетельств этого – отсутствие единого терминологического аппарата для их обозначения.

Так, в специальной литературе по отношению к неминимальным метафорическим контекстам употребляются термины “сложная метафора”, “развёрнутая метафора”, “составная метафора”, “распространённая метафора”, “длительная метафора”, “продолженная метафора”, “расширенная метафора”, “устойчивая метафора”, “расчленённая метафора” и нек.др.

Представляется целесообразным остановиться на функционировании терминов “сложная метафора” (далее – СМ) и “развёрнутая метафора”, которыми оперируют чаще, чем другими.

Недостаточная дифференцированность названных понятий, отсутствие чётко закреплённого за каждым из них содержания проявляется либо в их отождествлении [1, 128; 3, 66–67], либо в распространении на них гиперо-гипонимических отношений [2, 6–7], либо в закреплении за ними различных подходов к интерпретации неминимальных метафорических контекстов, как, например, в трактовках понятия РМ у И.Р.Гальперина и у Е.Г.Петровой.

На последнем моменте остановимся подробнее. Следует отметить, что все приведённые термины функционируют в рамках двух основных подходов к квалификации языковой природы неминимальных метафорических контекстов.

Первый из них – формально-синтаксический. Внутри названного подхода НМК рассматриваются с точки зрения характера и способов объединения в них минимальных метафор (бинарм). Он реализован в работах М.Л.Новиковой, Е.Г.Петровой, С.А.Фридриха. Характерно, что только в рамках данного подхода фактически в одном и том же (или близком) значении функционируют термины “развёрнутая метафора” (Е.Г.Петрова), “сложная (составная) метафора” (М.Л.Новикова, Л.Е.Пустовит, С.А.Фридрих), “сложная метафорическая конструкция” (Ю.И.Левин) и некоторые другие.

Наиболее детально формально-синтаксическое исследование неминимальных метафор представлено в диссертационной работе Е.Г.Петровой, исследовавшей метафору на материале англоязычной прозы. Здесь даётся определение РМ как сложного семантико-структурного единства, передающего комплексный образ [4, 5]. На основе характера синтаксических связей простых метафор, входящих в структурное единство, Е.Г.Петровой выделены два основных структурных типа РМ: сложная и цепная метафора.

СМ имеет место в том случае, когда одна метафора включена в другую полностью. Ср.: {The face was (the fortress of an unconquerable spirit)} [4, 6]. В данном примере микрометафора (отмечена круглыми скобками) полностью включена в макрометафору (отмечена фигурными скобками). Приведём аналогичные примеры из текстов русской поэзии:

{Я – безоговорочно и бесповоротно – (капля в океане моего народа)} (Р.Рождественский); {Улица – (рыба мёртвых столетий)} (В.Хлебников). Под цепной метафорой Е.Г.Петрова понимает такой способ комбинации простых метафор в составе сложной, когда метафоры не входят одна в другую, а последовательно продолжают друг друга, ср.: {(The wind remembers our voices) then (sends them talking)} [4, 7]. Подобные

конструкции встречаем и в русских стихотворных текстах: {(Лошадиную морду месяца) (Схватить за узду лучей)} (С.Есенин).

Таким образом, содержанием формально-синтаксического подхода к анализу метафорических тропов является определение количества присутствующих в пределах одной языковой конструкции минимальных метафор и установление способа их соединения в едином контексте.

Второй подход к изучению неминимальных метафорических контекстов берёт своё начало из определения РМ, которое даёт И.Р.Гальперин: “Иногда метафора не ограничивается одним образом, а реализует несколько образов, связанных между собой единым, центральным, стержневым словом. Такая метафора называется развёрнутой” [5, 126]. Как видно, приведённое определение репрезентирует такой подход к неминимальным контекстам метафоры, когда последние изучаются не с точки зрения выявления набора входящих в их состав минимальных метафор, а как одна метафора, в которой можно выделить образно-смысловой фокус и его лексическое окружение, связанное с фокусом отношениями иррадиации метафорического смысла. Данный подход можно охарактеризовать как семантический. Этот подход коррелирует с интеракционистской теорией метафоры.

В определении РМ, которое даёт И.В.Арнольд, обнаруживаются черты и формально-синтаксического, и семантического подходов, однако всё же с “перевесом” первого: “Развёрнутая, или расширенная, метафора состоит из нескольких метафорически употреблённых слов, создающих единый образ, т.е. из ряда взаимосвязанных и дополняющих друг друга простых метафор, усиливающих мотивированность образа путём повторного соединения всё тех же двух планов и параллельного их функционирования” [6, 83].

Попытку разграничения выделенных подходов находим у С.А.Фридриха [7, 97], который в рамках первого из них (формально- синтаксического) оперирует понятием СМ, а в рамках второго (семантического) – понятием “распространённая метафора” (в понимании, аналогичном определению РМ, предложенному И.Р.Гальпериным). Заметим, что исследование С.А.Фридриха предпринято в рамках формально-синтаксического направления, а о семантическом подходе к неминимальным метафорическим контекстам упоминается лишь постольку, поскольку он может иметь место наравне с формально-синтаксическим. Терминологического определения двум различным подходам С.А.Фридрих не даёт.

Таким образом, в центре внимания семантического подхода описание тропа особого характера. Его отличие от минимальной метафоры в том, что он представляет собой метафору как бы “домысленную”, “продолженную”, не “потенциальную”, а “состоявшуюся”, “фактическую”.

Так, если сравнить бинарную метафору кувшин жизни и неминимальную метафору *Надо жизни кувшин жадно выпить до дна* (В.Луговской), то во второй в составе единого тропа выявляется образно-смысловой фокус (*жизнь = кувшин*) и – что отличает данную метафору от первой – элементы, продолжающие метафорическую тему (если жизнь – кувшин, то её можно выпить, выпить жадно, выпить до дна). В.М.Жирмунский охарактеризовал такой способ функционирования метафоры как развёртывание, осуществляющееся по закону внутреннего имманентного развития поэтического образа [8, 224].

Полагаем, что за каждым из двух описанных подходов целесообразно закрепить свой терминологический аппарат, а именно: в рамках первого – оперировать понятием СМ, а в рамках второго – понятием РМ. При этом противопоставлять нужно не простую и развёрнутую метафору (что характерно для большинства специальных источников, а простую и сложную метафору – с одной стороны, и развёрнутую и неразвёрнутую метафору – с другой.

Подчёркнём, что данные терминологические оппозиции лежат в разных плоскостях, они порождены двумя различными подходами к метафоре, между которыми существуют определённые точки соприкосновения, но нет, как предстоит убедиться, полной “покрываемости” одного другим (в качестве аналогии можно привести соотношение

понятий “продуктивность – непродуктивность” и “регулярность – нерегулярность” в словообразовании, отражающих разные подходы к оценке характеристик аффиксов).

В отличие от формально-синтаксического подхода, в рамках которого был осуществлён ряд достаточно серьёзных, в том числе диссертационных, исследований (Е.Г.Петровой, С.А.Фридриха и др.), семантический подход к изучению неминимальных метафорических контекстов по сути лишь намечен в работах некоторых учёных (Н.А.Басиляя, И.Р.Гальперина, С.А.Фридриха и др.), а специальных исследований в его рамках, и в особенности на материале русской поэзии, не проводилось. Этим обусловлена актуальность исследования РМ именно в данном аспекте, чему специально посвящается следующая глава настоящей монографии.

Литература:

1. Зимин В.И., Модебадзе Э.А. Метафора и метонимия //Русский язык в национальной школе. – 1977. – № 2. – С. 77 – 84.
2. Левин Ю.И. Структура русской метафоры. – М., 2000. – 200 с.
3. Тарасов Л.Ф. К вопросу о лингвистической природе метафоры //Русский язык в школе. – 1980. – № 4. – С. 64 – 67.
4. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. – 460 с.
5. Петрова Е.Г. Опыт выделения некоторых структурных типов развёрнутой метафоры. – М., 1999. – 185 с.
6. Арнольд И.В. Объективность, субъективность и предвзятость в интерпретации художественного текста //Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. статей. – СПб.: СПбГУ, 1999. – С. 341–350.
7. Фридрих С.А. Метафора в системе тропов (на материале современного английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 /Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1971. – 24 с.
8. Жирмунский В.М. Поэтика Александра Блока //Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л.: Наука, 1977. – С. 205 – 237.